

“при мне погасло много суперзвезд”

Рамон Варгас — Газете

Рамон Варгас: «Я могу отнести себя к певцам-интеллектуалам, но природа моего темперамента — латинская, идущая от эмоции, от страсти»

Мексиканца Рамона Варгаса называют лирическим тенором номер один. Он двадцать лет поет на крупнейших сценах мира и уже устал от бесчисленных сравнений с великими тенорами прошлого — от Карузо до Паваротти. Его конек — романтические герои французских и итальянских опер эпохи бельканто. На нынешнем Мюнхенском фестивале тенор исполнил партию Дон Карлоса в опере Верди и дал гала-концерт вместе с юной оперной фавориткой Европы Анной Нетребко. С Рамоном Варгасом встретился корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Что же вы не приехали петь Ленского в Большом прошлой осенью? К сожалению, несмотря на то что переговоры в самом деле велись, мы так и не сказали друг другу твердое «да».

Многие бы предпочли, чтобы вы привезли в Москву что-то итальянское: Ленский — красивая, но не самая показательная партия. Но так или иначе — приезжайте, а то вас только и будет знать кучка меломанов, у которых есть деньги на диски и поездки. С продажей дисков сейчас везде проблемы, они везде довольно дороги, а теперь люди имеют возможность копировать

с диска на диск, и никто не хочет покупать. Фирмы вкладывают деньги и не могут их вернуть назад. Это настоящий кризис, и он повсеместно, не только в России. Мне очень жаль.

Вы родились в Мехико?

Да. В большой семье — у меня два брата и шесть сестер. Никто из моей семьи не имеет отношения к музыке. В детстве я пел в хоре в Базилике де Гуадалупе в Мехико-сити. Это был очень значимый период, поскольку в те времена я пел очень много старинной музыки — григорианские хоралы, полифонию, Палестрину, Баха, Моцарта — конечно, не в хронологическом порядке. Это было серьезно. Именно через эту музыку я постепенно пришел в оперу, а не наоборот, как это обычно бывает, — сначала опера, потом оратория. Это было довольно смелым шагом — пойти в оперу.

Как семья реагировала на ваши музыкальные увлечения?

Старших вполне устраивало, что я занимаюсь в хоре. Меня тоже, поскольку хор открыл мне целый мир — там я не только пел, но также немного учился играть на фортепиано и гитаре. Да я и совершенно не собирался становиться профессиональным музыкантом, пошел в колледж, где изучал педагогику и психологию...

В самом деле хотели стать учителем?

Да я, в сущности, и сейчас хочу. Это то, к чему я чувствую некое призвание. Потом я закончил отделение социологии и психологии в университете. Но в качестве хобби я продолжал брать уроки пения. Это для меня до сих пор хобби, в том смысле, что в удовольствие. Это не что-то, что я делаю через силу. Так вот, мой учитель сказал: «Ты уже довольно неплохо разбираешься в музыке, поешь, немного играешь на пианино, знаешь много хороших произведений, давай ты попробуешь использовать свой шанс быть профессиональным музыкантом». Я сказал: о'кей — я отдам на это год, не больше. Просто попробовать. Мне было всего девятнадцать. Надо сказать, все сопутствующие дисциплины — сольфеджио, историю музыки, фортепиано — я сдал очень быстро, так как мне было это легко в силу моей подготовленности.

Что на это сказали родители?

Я же не делал громких заявлений — наоборот, я сказал, что это только на один год. Не дольше. В случае неудачи я бы спокойно вернулся к занятиям социологией и психологией. В тот же год я участвовал в конкурсе имени Карло Морелли в Мехико и пробился в финал. Это было в самом начале восьмидесятых. Так вот, был финальный концерт, в большом зале с оркестром, где я пел арию Альмавивы из «Севильского цирюльника» и арию Альфреда из «Травиаты». И вот когда я запел на сцене перед огромным залом, с оркестром — я решил: мне это нравится, остаюсь в певцах.

Был ли момент, когда вы поняли, что являетесь, возможно, одним из первых в когорте теноров?

Не знаю. Наверное, нет, поскольку у меня всегда было это стремление быть лучше, не то чтобы всех остальных, но в принципе некоторый перфекционизм. И это иногда превращается в большую проблему: я становлюсь очень нетерпим и требователен к другим, поскольку бываю так же строг к себе. Нетерпимость — мой грех. И потом, кто говорит — первый, лучший? Твои контракты? Реакция публики? Растущее число людей, которым нравится твоя работа? Наверное, но сейчас такое время, когда людей очень легко запутать. Успех далеко не всегда приходит к тем, кто его достоин, и наоборот. В наше время так легко стало зажигать новые звезды. Я пою уже двадцать лет и за это время видел столько суперзвезд, о которых сейчас спросишь, что стало с таким-то или такой-то, — и никто не знает.

Вам-то за счет чего удалось столько лет продержаться и сохранить форму?

Секрет в том, что нет никакого секрета. Нужно слушать свой голос. Это то, что живет вместе с тобой, это как твоя любовница, со своей индивидуальностью, со своим характером, часто непохожим на твой собственный. И нужно все время слушать, что она тебе говорит, чего она хочет, а чего не хочет или не может. Если следовать по этому пути, никогда не сделаешь ошибки. Конечно, твое собственное эго желает контролировать все, включая голос. И мое эго может мне шептать: ну почему бы тебе не спеть «Богему» или «Тоску», один раз, для себя спеть Каварадосси — это будет такой полезный опыт. Но я слушаю свой голос, а он говорит: пока нет, и я отменяю все контракты.

Вы считаете, в вас нет этакого тенорового эго, но ведь у каждого человека свое эго имеется. В чем состоит ваше?

Эго имеет большое значение. Если у тебя его нет, ты просто не сможешь выходить на сцену. Нужно суметь заставить две тысячи людей тебя слушать — для этого нужно иметь внутри некий мотор, которым является эго. Но эго может стать твоим злейшим врагом. Человек, который начинает слушать только свое эго, перестает слушать кого бы то ни было. Ни свой голос, ни учителей, ни пианистов, ни маэстро, ни коллег (*приосанивается*): «О, разве я не потрясающий певец, разве мало было вчера криков «браво»? Я превосходен, могу теперь даже учить — что вы здесь мне играете, маэстро? Здесь мне сделайте вот так!» Это сумасшествие, ведь мы же не создатели оперы, а только ее интерпретаторы — мы через себя воссоздаем то, что хотел написать композитор. Находясь во власти эго, начинаешь говорить: здесь Верди или Стравинский были неправы — я знаю, как надо. Это как современные режиссеры, которые все переворачивают вверх дном в угоду собственному «я». Лучше уж в таком случае создать новую оперу.

Почему вы как-то называли одним из своих любимых героев Вертера — вы так рассудительны, а он так безрассуден?

Ну, у меня много любимых героев и в опере, и в литературе — еще Сирано, Дон Кихот, но Вертер мне дорог. Нужно понимать, что между Вертером у Гете и Вертером у Массне — огромная разница, и смысловая, и временная — целое столетие. Романтизм у Гете очень рациональный, а Массне, который уже постромантик, — до предела эмоционален. Теперь, еще сто лет спустя, это можно соединять. Конечно, я могу в некоторой степени отнести себя к певцам-интеллектуалам, но природа моего актерского темперамента — латинская, идущая больше от эмоции, от страсти. И я все время ищу баланс между головой и сердцем. Знаете, есть певцы-веристы, идущие за эмоцией, а есть специалисты по старинной музыке, у которых все скалькулировано, все пассажи — точные как в аптеке. А мне, наверное, близок репертуар бельканто, поскольку там нужен этот баланс.

После того как вы однажды заменили Лучано Паваротти и имели бешеный успех в «Лючии», вас все время сравнивают и с ним, и со многими другими вашими предшественниками. Приятно или уже наоборот?

Я не люблю сравнений, предпочитаю быть самим собой. Но если говорить серьезно, конечно, Лучано Паваротти — потрясающий певец. Вернее, был потрясающим, мы знаем — его карьера заканчивается. У него были замечательная техника и тембр, но он был больше вокалистом — заботился в основном о том, как звучит голос. А вот Пласидо Доминго был и, кстати, остается великолепным «поющим актером», идущим от образа. Мне же опять интереснее некая середина, к тому же у меня несколько другой тип голоса.

Говорят, вы страстный шахматист?

Одно время я действительно очень много и довольно неплохо играл в шахматы, конечно, не на суперпрофессиональном уровне, но все же. Но в какой-то момент понял, что шахматы могут быть очень опасны для меня.

Это как?

Знаете, я человек темпераментный и очень нетерпеливый. И если я вдруг сделал ошибку и понял это, то дальше наступает жуткое состояние, когда твоей противник начинает использовать появившееся преимущество и грядущее поражение нависает над тобой как гора, а ты лишь молишься, чтобы он тоже ошибся и дал тебе шанс наверстать упущенное. А если он не ошибается, а я все-таки проигрываю, то потом чувствую себя просто ужасно — это настоящие муки. В какой-то момент я осознал некую опасность этих состояний и стал играть гораздо меньше. А это, надо сказать, как с игрой на фортепиано: перестаешь упражняться — и ментально теряешь форму. И теперь я проигрываю довольно легко, потому что

всегда могу сказать себе: о'кей, я просто не в форме (*смеется*).

Вам часто удается бывать с семьей при таком графике?

Моя жена и сын часто ездят со мною — они сейчас здесь, в Мюнхене.

Вы станете воспитывать сына музыкантом?

Вы знаете, у него есть музыкальность. Сейчас Фернандо восемь. Так вот, когда ему было лет пять, он пошел на «Травиату», в которой я пел. И мы с ним уже возвращались со спектакля, когда он вдруг, после всей оперы, запел «Застольную» из первого акта. Я спросил, где он это слышал, а он посмотрел на меня удивленно и ответил: так сегодня же ты пел в опере... Я не гоню от себя мысль, что он будет музыкантом, но и не подталкиваю его к этому. Это так сложно: мало иметь талант, мало иметь только музыкальность или голос. Здесь нужно, как повару на кухне, иметь не только множество хороших ингредиентов, нужно их готовить в очень точном темпе, распределяя усилия: это порезать, это почистить, это взбить, причем именно в тот момент, когда то уже будет готово...

Слышна речь гурмана...

Да, это правда, я гурман, большой поклонник haute cuisine... Так вот, я не уверен, что это получится, но если он решит, что хочет, я буду всячески его поддерживать.

На скольких языках вы говорите?

На пяти. Французский, испанский, итальянский, английский и немецкий.

То есть свободно читаете, скажем, Пруста в оригинале?

Да, стараюсь читать книги в оригинале. Тот же Гете невероятно много теряет от перевода. Или Шекспир, например...

А русский будете учить ради Ленского? Конечно.

Вы первый раз поете с Анной Нетребко?

Да, и страшно этому рад, поскольку несколько лет назад мы должны были петь вместе, но она тогда, к сожалению, заболела. Анна Нетребко обладает феноменальным голосом и индивидуальностью. Но, поскольку я уже говорил о так называемых «феноменах», хочу сказать, что она как раз не «феномен», она — настоящая.

И вполне может потеснить в списке вставших постоянных партнерш другую славянскую диву — Весселину Казарову?

Весселина — потрясающая певица, красавица с фантастически голосом, имеющая сейчас очень большую и вполне заслуженную славу... Ее единственная ошибка (в моем случае), что она не сопрано, и у нас не так много опер, в которых мы можем петь вместе. Но теперь есть Анна Нетребко и проблема может быть решена (*смеется*).